

За пределами храма на серых каменных плитах стояла на коленях сотня человек. Сверху донизу: от старого настоятеля, которому перевалило за девяносто, до пятилетних детей, только что принятых в ученики, — все были одеты в монашеские рясы, чинно совершали великий обряд секты Сюаньмэнь и в унисон выкрикивали:

— Ученики секты Ицзинь приветствуют предка-основателя, прадедушку-основателя, старшего мастера-основателя!

Оказалось, что Юй Буцы давно позвонил в школу и сообщил о происходящем. Более двухсот лет прадедушка-основатель не показывался, и вот впервые в истории секты Ицзинь явился сам предок-основатель.

Хотя на момент реинкарнации предок-основатель был всего лишь двадцатилетним, в секте Сюаньмэнь статус определялся не возрастом. Его личность была подтверждена самим прадедушкой-основателем, а то, что он с легкостью одолел Юй Буцы, стало явным доказательством силы великого мастера меча.

Появление предка было столь внезапным, что у секты Ицзинь попросту не хватило времени на организацию грандиозной церемонии встречи. Тем не менее глава секты не посмел проявить неуважение и повел всех учеников, чтобы выразить почтение.

После встречи пришло время наказания. Случай с Цю Цзунем стал всем известен в секте Ицзинь: большинство учеников нарушили дисциплину, ослушались и даже ругали предка-основателя, называя его мошенником. Хотя предок-основатель был добрым и великодушным, не держа зла, наказание было неизбежным.

В итоге Хэ Цзиньянь объявил: все ученики старше двенадцати лет должны стоять на коленях на площади и переписать правила секты сто раз. Глава секты, не справившийся с воспитанием, понес такое же наказание.

Кисти, шариковые ручки, перьевые ручки, карандаши — на площади стояла гробовая тишина, слышался лишь шорох письменных принадлежностей...

Лу Юньчжэнь сидел в кресле-качалке, а Мо Чанкун и Хэ Цзиньянь стояли по обе стороны от него. Один — дерзкий и властный, другой — изысканный и утонченный. Они напоминали двух богов, недвижимых, как горы. С тех пор как они увидели, что эти ученики ругали предка-основателя на форуме секты Сюаньмэнь, их лица окаменели, став холодными, как лед, настолько, что даже самому предку стало неловко сидеть...

На Пике Уцзянь раньше было всего четверо человек, никто не знал субординации, так что такие сцены были внове. Атмосфера царила угрюмая и напряженная. Лу Юньчжэнь заскучал, встал с места, сделал несколько шагов и заметил, что Цю Цзунь тоже стоял на коленях в конце ряда. Его лицо озарилось, и он быстро подошел к нему поближе:

— Как твое сердце Дао?

Цю Цзунь кивнул и продолжил переписывать правила. Он узнал, что этот парень — его собственный предок, и теперь, когда он нашел причину своего поражения, его сердце Дао восстановилось.

— Я долго ждал тебя, — Лу Юньчжэнь достал из рюкзака фотографию с автографом Ху Суя и протянул ее. — Это для твоей младшей сестры-соученицы, как я обещал. Нашим мастерам мечта непросто найти себе спутника, так что действуй настойчиво. Хотя ты и не говорил прямо, что она тебе нравится, догадаться было несложно.

Цю Цзунь был поражен:

— Пре-предок, вы все-таки запомнили...

— Хватит меня так называть, обещал — значит, надо выполнить, — Лу Юньчжэнь еще не привык к своему новому статусу, от чего у него гудела голова. Он взглянул на правила секты — старый язык все же имел свои преимущества: краткость и суть. Восемьдесят восемь статей, чуть больше двух тысяч слов, но такие положения, как запрет на жестокое обращение с женщинами и детьми, сочетание труда и отдыха в практике, настороженность к незнакомцам, ему показались до боли знакомыми.

Он скучающе присел рядом и наблюдал, как Цю Цзунь усердно выводит иероглифы, но помочь все равно не мог. Небо уже темнело, некоторые дети, писавшие быстро, заканчивали, но глава секты, которому было уже много лет, аккуратно и строго писал кистью, выводя иероглифы один за другим. Этих двадцать с лишним тысяч символов, казалось, придется переписывать до второго пришествия. Пожалев своих учеников, Лу Юньчжэнь обратился ко второму ученику с предложением: пусть все переписывают каждый день понемногу, пока не завершат.

Хэ Цзиньянь следовал указанию шизуна.

Молодые ученики, увидев, что предок общается с ними на равных и не держится с высокомерием, постепенно набрались храбрости и начали подходить, задавая вопросы. Лу Юньчжэнь воспользовался случаем и попросил их представить его в Ассоциацию Сюаньсюэ Китая, чтобы зарегистрировать свою личность и свою секту «Пик Уцзянь». Заодно он записал на свое имя троих учеников, решив сохранить анонимность и скрыть информацию о секте, учитывая статус знаменитости Ху Суя, демоническую сущность Мо Чанкуна и божественное происхождение Хэ Цзиньяня.

Заявка на новую секту и обработка их идентификационных данных требовали нескольких дней. Цю Цзунь с энтузиазмом обучал предка правилам принятия заказов.

Большинство состоятельных людей имели знакомых мастеров Сюаньмэнь, и все сводилось к простому процессу регистрации дел для удобства официального налогообложения мастеров.

Лу Юньчжэнь был потрясен:

- Нужно платить налоги?

- Предсказания судьбы и оценка фэн шуй — это тоже профессии, поэтому облагаются налогом на доходы физических лиц. Но вы можете запросить у работодателя сумму после уплаты налогов, — уверенно пояснил Цю Цзунь, - Ежегодно Школа Ицзинь также занимается волонтерской работой. Многие злые духи и демоны обитают в бедных и отдаленных районах, причиняя серьезный вред, и мы не можем оставлять их без внимания только потому, что у заказчиков нет денег. В таких случаях Ассоциация компенсирует часть транспортных расходов.

Волонтерская работа не проходила бесследно — все это засчитывалось в качестве заслуг перед небесами, а часть из них переходила на предка через ритуалы жертвоприношений.

Хэ Цзиньнянь даже поручил кому-то рассчитать количество заслуг. За тысячи лет существования Школы Ицзинь многочисленные усилия ее членов уменьшили долг предка по карме на три миллиарда, и теперь оставалось лишь семь миллиардов.

Ученики были слишком хороши...

Лу Юньчжэнь был до глубины души тронут, даже Мо Чанкун не остался равнодушным и решил, что перед тем, как приступить к заданиям после одобрения его статуса, следует привести в порядок древние манускрипты с техниками меча Школы Ицзинь. После ухода Хэ Цзиньняня из мира смертных осталось лишь несколько тысячелетних манускриптов, да и те были неполными.

Библиотека и сокровищница были безоговорочно открыты для предка.

Лу Юньчжэнь наконец-то получил хороший меч и был невероятно рад. Он долго играл с ним, а затем начал изучать манускрипты. Эти тексты были настолько просты, что сразу становились понятными, и стоило лишь прочитать, как техники тут же усваивались... Говорили, что Янь Цяньсуй из Дворца Яньло, после его смерти часто снимал с него печать памяти, чтобы поругать его, а затем снова запечатывал, перед тем как тот перерождался. Со временем, из-за большого количества таких ритуалов, у Лу Юньчжэня выработалась определенная сопротивляемость, особенно к воспоминаниям, связанным с мечами и боевыми искусствами. Эти знания проникли в его кости и легко всплывали в памяти.

Видимо, Янь Цяньсуй делал это намеренно...

Лу Юньчжэнь получил возможность впитывать знания, как губка, и быстро учиться. Время от времени он отрабатывал пару приемов, делал паузу, а затем снова принимался за тренировки. Он постепенно вспоминал все больше и больше техник боя на мечах и даже отмечал ошибки в своем собственном трактате по фехтованию, чтобы после завершения обучения их исправить.

Хэ Цзиньнянь подошел к нему:

- Старший брат, я не видел тебя много лет, пойдем прогуляемся?

Мо Чанкун охотно согласился.

Лу Юньчжэнь давно заметил, что эти старшие ученики обожают встречаться, чтобы сразиться друг с другом, укрепляя свои отношения. Он махнул рукой, отпуская их, а сам погрузился в удовольствие от работы над трактатом.

□□.....

В задней части горы школы Ицзянь также находилась площадка для испытаний меча. Вся она была покрыта пятнами мха, и повсюду виднелись древние зарубки от меча, давно уже оставленные без внимания. Сколько лет прошло с тех пор, никто не знал.

Двое людей появились, оседлав свои мечи.

Мо Чанкун, взглянув на след от меча, уверенно сказал:

— Это след от твоего удара, который ты скопировал с техники шизуна. Но ты сделал на один удар больше, чем нужно, и потому платформа немного покосилась.

— У меня с детства не было ни таланта, ни прозорливости, — Хэ Цзиньнянь спустился с меча, драконий меч зазвенел в воздухе, сверкая, словно звезда, и мягко опустился в его ладонь. Глядя на испытательную платформу, он с ностальгией произнес, — Шизун написал для меня более тысячи свитков с техниками меча. От простого к сложному — быстрые мечи, тяжелые мечи, странные мечи... все, что только возможно. Он также собрал для меня множество свитков со всего света, чтобы я мог их изучать. Он говорил: «Ты умен, трудолюбив и, без сомнения, сможешь найти свой собственный Путь меча».

Мо Чанкун также спустился с небес. Его черный меч, заставляющий рыдать и богов, и демонов трех миров, слился с ночной темнотой. Взгляд его был полон боевой решимости, голос хриплым, когда он спросил:

— Ты уже нашел его?

Хэ Цзиньнянь, улыбаясь, нежно провел рукой по длинному мечу. Меч вспыхнул, словно метеор, сверкая на своем пути. Он изучил все техники меча, существующие в мире, но так и не смог создать собственный уникальный прием. Тогда он решил слить вместе тысячи техник, превратив их в свое собственное искусство.

Когда Мо Чанкун увидел, как Хэ Цзиньнянь применяет технику «Падающая звезда», он решил разрубить атаку. Но неожиданно изящная техника меча, еще не завершившись, перешла в «Десять тысяч фунтов», совершенно иную, с легкости к тяжести, и все это — единое целое.

— Интересно, — сказал Мо Чанкун.

В технике меча Хэ Цзиньнянь он увидел не только стиль шизуна, но и свой собственный, а также стили многих других великих мастеров меча, которых он встречал. Это не было простым подражанием, скорее это был методичный подход к различным боевым ситуациям с использованием разных техник, глубоко продуманная стратегия. Это напоминало компьютерные игры, о которых с восхищением говорил шизун — программы, созданные человеческим разумом, которые, загрузив все известные партии, могут расчетливо победить самого человека.

Хэ Цзиньнянь довел до совершенства все известные в мире техники меча.

Мо Чанкун, напротив, сражался, полагаясь на интуицию. Его меч был диким, неистовым, и удары его были настолько мощными, что блокировать их было практически невозможно. Его техника нередко менялась самым неожиданным образом, порой это были приемы, о которых никто даже не слышал.

Вначале они сдерживали себя, обмениваясь ударами, но меч Хэ Цзиньнянь постоянно провоцировал и испытывал его, иногда нарушая правила поединка. В конце концов, когда он притворился, будто сдался, и внезапно нанес удар, разрезавший бок Мо Чанкуна, свежая кровь пробудила в нем истинную жажду битвы.

Поединок двух величайших мастеров меча был подобен буре.

Мо Чанкун больше не сдерживался...

Бой длился полчаса. За это время защитная формация, установленная вокруг испытательной платформы, почти полностью рухнула. В итоге Хэ Цзиньнянь потерпел поражение: его нога была серьезно травмирована, и он больше не мог стоять. С улыбкой он произнес:

— Я сдаюсь. Шизун не ошибался. Ты, старший брат... Ты и правда настоящий гений.

Мо Чанкун тоже получил несколько легких ранений. В нем бурлила жажда убийства, и он с трудом мог ее подавить. Он глубоко дышал, стараясь осознать, что человек перед ним не враг. Его разум боролся за ясность, сдерживая кровожадные желания.

Хэ Цзиньнянь небрежно остановил кровотечение и с трудом поднялся, внимательно изучая состояние Мо Чанкуна. Вдруг он заговорил:

— Старший брат, тебе нехорошо. Лучше отправиться со мной в мир бессмертных на восстановление, а задание по защите шизуна передать А-Сую. Он ведь уже большой лис.

— Глупости! — сердито возразил Мо Чанкун. — Этот бесполезный и рассеянный лис все делает через пень-колоду! Ты что, сможешь доверить ему такое дело?!

— Ты прав, — согласился Хэ Цзиньнянь. — А-Суй действительно ненадежен. Он уже давно не возвращался в Тайное царство тысячи демонов. Пусть он сопроводит тебя в мир бессмертных, а я останусь заботиться о нашем шизуне. Как тебе?

Мо Чанкун прищурился, его взгляд стал опасным:

— Ты правда хочешь умереть?

Хэ Цзиньнянь усмехнулся:

— Почему? Твой меч уже доказал, что я не слабак.

Он всегда был умен, с безупречным нравом, предан и надежен, никогда не стремился к власти над шизуном и не создавал проблем. Его меч был под его контролем, и он легко приспособился бы к новым вызовам.

Мо Чанкун не мог найти аргументов против. Но он не хотел...

Снова пришла темная путаница в голове, и вместе с ней — неутолимая жажда крови. Любой, кто попытается отнять шизуна, станет угрозой. Неважно, кто это, только полное устранение этой опасности сможет принести покой...

— Мо Чанкун! Хватит!

Громкий крик Хэ Цзиньняня вырвал его из пучины ярости, остановив его на краю безумия.

— Никто не собирается забирать шизуна, — резко продолжил Хэ Цзиньнянь. — Это было испытание. Мне нужно было убедиться, что твое состояние соответствует моим опасениям.

Мо Чанкун нахмурился, не понимая:

— Какое испытание?

После долгого молчания Хэ Цзиньнянь с трудом выговорил:

— Старший брат... Ты знаешь, что ты безумен?

<http://bllate.org/book/13607/1206743>